

«Петербургский дневник» представляет

Даниил Аль

В имени «Ленинград» слилось многое. Защитники Ленинграда были одним из отрядов всего советского фронта, ощущали поддержку и помощь всей нашей огромной страны.

Секрет политшинели

Писатели на войне, писатели о войне

Писатели на войне, писатели о войне

Даниил Альшиц

Секрет политшинели

«Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга»

2015

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Альшиц Д. Н.

Секрет политшинели / Д. Н. Альшиц — «Информационно-издательский центр Правительства Санкт-Петербурга»,
2015 — (Писатели на войне, писатели о войне)

ISBN 978-5-91498-079-2

Автор книги — участник Великой Отечественной войны. Книга посвящена бойцам и командирам Ленинградского фронта. Герои книги — студенты ленинградских вузов, 60 тысяч которых сражались в народном ополчении против фашистских захватчиков. В основу книги вошли публиковавшиеся ранее повести из книги «Приказа умирать не было», а также шесть рассказов на ленинградскую фронтовую тему. Книга представит наибольший интерес для молодых людей и будет способствовать воспитанию в них патриотизма и любви к Родине.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-91498-079-2

© Альшиц Д. Н., 2015
© Информационно-издательский центр
Правительства Санкт-Петербурга, 2015

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ПРИКАЗА УМИРАТЬ НЕ БЫЛО	7
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Даниил Аль

Секрет политшинели

ОТ АВТОРА

*О войне написано много. О войне написано мало. Оба эти утверждения будут справедливы всегда.
(Из записной книжки)*

Наши люди – защитники Родины в Великой Отечественной войне – заслужили большего, чем самые высокие общие оценки их подвига. Они заслужили, чтобы их показали и тем самым сохранили в памяти поколений такими, какими они были – живыми людьми, с их чувствами и мыслями, страданиями и радостями, с их надеждами и сомнениями, с одним сердцем и одной жизнью на каждого...

Задача эта под силу только литературе. Всей литературе в целом. Автор взял на себя смелость принять участие в этой большой работе, с тем чтобы в меру своих сил рассказать о таких моментах и о таких героях войны, о которых, по его мнению, написано очень мало. Так, например, фактически не нашел отражения в литературе образ студента-ополченца, выступившего летом сорок первого года вместе с рабочими и моряками Балтики на защиту Ленинграда.

Надо сказать, что начальный период войны вообще освещен сравнительно слабо. Между тем первый военный год был особенным, неповторимым временем, когда человеку пришлось сделать шаг из вчерашнего мирного дня в пекло войны.

Сорок первый год был для нашего человека временем первого знакомства с войной, с такой, какая она есть на самом деле, временем величайшего психологического напряжения и внутренней перестройки.

Наш человек остался на войне человеком! Эту мысль я попытался подчеркнуть в книге.

Все ее герои – воины Ленинградского фронта. Каждый из них, хотя и написан как образ собирательный, имел прототипа – одного из тех бойцов или офицеров, с кем автору приходилось встречаться. Нет здесь и выдуманных эпизодов. Все рассказанное имело место в действительности вплоть до деталей.

Есть в этой книге один герой, который присутствует на каждой ее странице, герой особенно близкий и дорогой автору. Это Ленинград. События, происходившие под его стенами летом и ранней осенью сорок первого года, заслуживают, на мой взгляд, самого пристального внимания.

В августе-сентябре сорок первого года к Ленинграду подошли лучшие части еще не знавшего поражения вермахта. Лучшие, потому что Ленинград в тот момент был главной стратегической целью фашистского командования. Перед ними почти не было регулярных частей Красной Армии. На их пути встали ополченцы – наскоро снаряженные и обученные добровольцы. Среди них немало пожилых людей. Еще больше совсем юных, почти еще мальчиков. Они вооружены винтовками. Против танка у ополченца бутылка с горючей смесью. В умелых руках это – боевое оружие. Но умелых рук не так много...

Теперь мы знаем, что тогда под Ленинградом фашистская армия была впервые за всю историю Второй мировой войны остановлена навсегда. Отсюда фашистам предстояло двигаться только назад. Произошло это не случайно. В имени «Ленинград» слилось многое – не стареющая годами душа революции, ее размах, ее романтика, ее дисциплина, двухсотлетние традиции непобедимой морской твердыни, громадный научный и промышленный потенциал.

Защитники Ленинграда были одним из отрядов всего советского фронта, ощущали поддержку и помощь всей нашей огромной страны.

Враг был остановлен здесь не вооружением особой мощи, не горами большой высоты, не другими какими-либо преградами, а людьми непоколебимой стойкости и большой духовной силы.

ПРИКАЗА УМИРАТЬ НЕ БЫЛО

Повесть

На фронт меня снаряжала мама. Глаза у нее были печальные. У меня, напротив, настроение было радостно-приподнятое. С плеч свалилась гора – наконец-то! Ведь мои товарищи давно на фронте, немцы подошли к Ленинграду, а я все еще торчу дома.

В последнее время, подходя к нашему подъезду, я каждый раз испытываю чувство стыда. На двери два плаката. Слева – стихи Джамбула: «Ленинградцы! Дети мои!»... Справа – плакат, изображающий ополченца. Каждый раз упирается в мою грудь вытянутый вперед палец сурового усача с яркой звездочкой на пилотке. Снова и снова задает он мне вопрос: «А ты записался в ополчение?»

«Записался, дядя, записался, – мысленно отвечаю я. – Записался еще до того, как тебя нарисовал художник. И очень был огорчен, когда меня исторгли из моей роты и направили на курсы военных переводчиков».

Было обидно до слез. То ли дело воевать, когда кругом одни свои! Командиры и политруки в батальоне все наши – студенты-старшекурсники и преподаватели. Непривычно и смешно видеть друг друга в ботинках и обмотках (сапоги, да и то брезентовые, давали только командирам), в зеленых штанах и гимнастерках. Настроение веселое – весь истфак в сборе, а никто не учится! Экзамены сорвались. Тоже можно пережить. Но главное – мы все вместе, не расстаемся, как обычно, после занятий, а все время как бы навсегда вместе... Кажется, что и страшно не будет, и не убьет никого. Ну кого, например, можно убить? На кого ни посмотришь – это исключается. Разве что тебя самого? Ну а этого и вовсе не может быть!

И вот меня вырвали из такой моей собственной, своей части. Спрашивается – зачем я все-таки выучил в детстве немецкий?! Ведь не хотел! Мама пересилила тогда мое сопротивление...

И вот я иду на фронт только сегодня, 16 сентября.

У меня приказ: явиться во вторую дивизию народного ополчения. В штабе фронта, где мне выдавали предписание и продовольственный аттестат, ее именовали сокращенно и не без юмора «второе ДНО». Дивизия занимает оборону в районе Ораниенбаума, куда мне и следует добираться.

Мама велит надеть что-нибудь похуже. Надеваю старые черные брюки, стоптанные полуботинки, потертую кожаную тужурку, оставшуюся от отца, и мичманку – синюю фуражку с большим квадратным козырьком. Мичманка почти новая. Сперва я настоял на ее приобретении, а потом не носил – уж больно пижонистая.

– Не дай бог, если ты в таком виде попадешься на глаза немцам, – заметила мама. – Фашисты именно так изображают наших политруков и комиссаров... Кожаная тужурка, морская фуражка...

– Немцы далеко, – успокаивал я. – До передовой – за Ораниенбаум – километров шестьдесят. Прежде чем я туда попаду, меня обмундируют в защитную форму.

Мама положила мне в чемодан смену чистого белья, мыло, зубную щетку, вафельное полотенце, пачку пиленого сахара в синей бумаге и флакон одеколона.

– Это – для промывания ран, – сказала мама.

Я попрощался с соседями, протянул маме руку. Разрешил ей себя поцеловать. С улыбкой выслушал мамино «береги себя, сынок» – не затем, мол, идем, чтоб беречься, – подхватил чемодан и бодро вышел.

На улице я остановился и оглянулся на наш подъезд. Чувство расставания с родным домом только здесь охватило меня. При маме, а тем более при соседях я изображал спокой-

ствие, презрение к предстоящим опасностям. Здесь я был один на один с домом, в котором родился, в который всегда возвращался, куда бы ни уходил и ни уезжал. Вернусь ли на этот раз? А если вернусь – увижу ли его таким, как сейчас? Кто знает. Наш район сильно бомбят. Невдалеке зияет четырехэтажный срез дома на углу Моховой. Его фасад снесло бомбой неделю назад.

Громадная воронка, огороженная стойками с желтыми и красными полосами, виднеется возле дома Мурузи¹, на противоположном углу Литейного. На днях в девять часов вечера сюда угодила пятисоткилограммовая фугаска. На улице было пусто. Все укрылись в бомбоубежище. Только девушка-милиционер с противогазом через плечо и с фонариком синего цвета оставалась на перекрестке. Было полутемно, однако я хорошо разглядел ее из окна перед уходом в бомбоубежище и оглянулся на нее, когда мы вышли на улицу, чтобы добежать до подворотни. Сидя в подвале, я ощутил, как вздрогнул над нами наш дом, как задрожала земля.

Когда тревога кончилась и мы вышли на улицу, на перекрестке, рядом с огромной воронкой, все так же стояла девушка-милиционер и синим фонариком регулировала движение.

– Какое чудо – она невредима! – воскликнула мама.

– Мама, это другая...

Вчера ночью мы тоже спускались в бомбоубежище. В сухом воздухе гремели зенитки. Со свистом сыпались осколки зенитных снарядов. Когда мы вышли из подъезда, мама раскрыла зонтик.

– Мне так спокойнее, – сказала она.

Это было вчера. Сейчас, в эту минуту, вся моя долгая двадцатилетняя жизнь слилась в одно большое ВЧЕРА.

Вернусь ли еще раз сюда, войду ли в наш, такой родной мне подъезд, поднимусь ли по нашей лестнице, увижу ли еще раз маму? Этого я не знал. Но зато я хорошо знал другое. Я верил, я чувствовал: не может быть, ни за что не будет так, чтобы в нашу парадную зашел фашист, чтобы он поднялся по нашей лестнице, схватился за ручку нашей двери...

* * *

На девятом номере трамвая я довольно быстро проехал через весь город. Вагон был переполнен. Говорили о начавшихся артиллерийских обстрелах, о нехватке продуктов, о длинных очередях в «Европейскую» и в «Асторию». Там еще можно было пообедать без талонов. Сетовали на пустоту магазинов.

– Весь город вдоль и поперек изъездила, – жаловалась женщина с пустой корзинкой на коленях, – и везде в магазинах на полках одни крабы. Аж в глазах красно от этих банок!

Город был таким же, как и обычно в последние недели. Оконные стекла крест-накрест заклеены бумажными полосками. Здания с большими окнами, вроде Дома книги, выглядели теперь так, будто их облили лапшой. Ветер кружил по улицам бумажный пепел. Местами он падал густо, словно черный снег: в учреждениях жгли бумаги.

На улицах в этот утренний час былолюдно. До войны и в первые ее месяцы в рабочие часы улицы Ленинграда, даже такие, как наш Литейный проспект, были пустынные. Теперь город переполнен беженцами. Сначала в Ленинград хлынули жители Новгорода, Пскова, Кингисеппа... В последние дни сюда сбежались жители пригородов: Пушкина, Павловска, Красного Села, Гатчины. Все беженцы оседали в городе – железные дороги были перерезаны еще в конце августа.

Но сегодня, именно сегодня, в людских потоках, растекавшихся по улицам, обозначилось нечто и вовсе новое. Навстречу нашему трамваю к центру города густо шли люди. Пожилые

¹ До войны многие дома в Ленинграде по привычке еще называли именами их бывших владельцев.

мужчины, подростки, женщины, дети несли чемоданы, постели в ремнях, рюкзаки, мешки, котомки, корзины. Панель стала похожей на бесконечно длинный перрон вокзала.

По мостовой катили груженные скарбом дворницкие тележки и детские коляски, вели навьюченные тюками велосипеды. Я обратил внимание на старика в зимней шапке и в расстегнутой шубе на рыжем меху. Он волочил по мостовой салазки с книгами...

День был солнечный и для середины сентября удивительно теплый. Но в зимних шапках, в зимних пальто шли многие. Взрослые и дети двигались молча, сосредоточенно, лишь изредка переговариваясь.

«Беженцы. Наверно, уже откуда-нибудь из-под Урицка, – подумал я. – Но почему их так много? Люди идут по всем улицам и проспектам, которые мы пересекаем. Особенно густо идут нам навстречу здесь, за Обводным каналом...»

Обожгла мысль: эти беженцы не из Гатчины, не из Пушкина, не из Урицка... Эти беженцы – ленинградцы. Их дома уже в непосредственной близости от войск противника.

«Враг у ворот!» – вчера это было еще строчкой плаката. А сегодня... Больно было смотреть на это молчаливое шествие. Но вместе с тем было очевидно, что все эти женщины, старики и дети не бежали от врага. Они отходили по приказу из южных районов города в северные. Нет суматохи, нет паники. Не увидишь ни одного заплаканного лица.

– Русские люди! – с сочувствием и гордостью сказал кто-то на площадке за моей спиной.

– Ленинградцы!.. – уточнил другой голос. Ленинградцы!.. Когдато, очень давно, не то в пятом, не то в шестом классе, заполнял я впервые в жизни анкету. В графе «национальность» я, не задумываясь, написал: ленинградец. Надо мной посмеялись в школе, посмеялись дома. Позднее не раз вспоминали об этом эпизоде, как о чем-то очень забавном. В анкетах я так больше не писал. Но я твердо верил, что есть такая национальность – ленинградец, потому что есть чувство принадлежности к ней – возвышенное, гордое. Я знал, что такое же чувство живет в каждом истинном ленинградце...

Наш трамвай остановился возле Кировского завода и дальше не пошел. Говорили, что вагоны стоят до самой Стрельны.

Поток беженцев, двигавшихся по улице Стачек, был не так густ. Здесь он только формировался.

Изредка в сторону фронта шли грузовые машины – трехтонки и полуторки. Много машин стояло вдоль тротуара. Их водители то ли ждали кого-то, то ли не были уверены, что смогут проскочить к месту назначения.

На панели кучками стояли люди. Улица Стачек была своеобразной биржей сведений и слухов. Сведения – рассказы людей, только что прибежавших «оттуда», – носили невеселый, порой удручающий характер. Явные слухи и досужие домыслы были, напротив, окрашены лихим оптимизмом.

Рассказывали, что наши части, сражавшиеся в течение июля-августа под Лугой, теперь ударили в тыл немцам, подошедшим к Ленинграду. В результате немцы будто бы спешно отходят на запад.

– Слышите? – спрашивал рассказчик у взволнованных слушателей. – Канонада-то меньше слышна, чем час назад.

Утверждали, что противотанковые рвы, вырытые вокруг города ленинградцами, соединены с заливом, реками и озерами. Теперь открыли специально сделанные шлюзы, и вода затопила во рвах вражеские корпуса.

Рассказывали о собаках, обученных бросаться под днище танка с грузом взрывчатки. Несколько случаев успешного их применения на фронте превратились в этих рассказах в истребление сотен танков врага. Воображение говорившего об этом старичка собрало воедино под Ленинградом на новую героическую службу всех пограничных собак, отведенных с западной границы. Им на помощь, по его словам, спешили собаки с Дальнего Востока...

Был, однако, среди всех этих слухов один – главный. Он начал циркулировать в городе недели две назад, после того как фашисты перерезали железные дороги, соединявшие Ленинград со страной. Он витал и сейчас здесь, над улицей Стачек. Упорно говорили, что в Москве формируется народное ополчение для помощи Ленинграду. Утверждали, что со дня на день под Ленинград придут дивизии сибиряков, узбеков, казахов... А какие они все стрелки! Сибиряк попадает дробинкой в глаз белке, чтобы не испортить шкурку. Узбек так же метко бьет в глаз беркуту, а казах – степному орлу. Тем более легко каждому из них попасть в глаз фашисту.

В это верили все. Это, собственно, и была высказанная вслух вера в то, что страна Ленинград не отдаст. И это была мечта. Мечта, которой суждено было сбыться. Они все придут защищать Ленинград – и сибиряки, и узбеки, и казахи, и москвичи. Придут испанские республиканцы. Придут немецкие антифашисты... Только это будет позже. А сегодня разговор о них – еще только мечта и – все-таки – слух.

Я остановился возле полуторки, которая по всем признакам собиралась в путь. Ее водитель, немолодой красноармеец, только что кончил копаться в моторе и вытирал руки ветошью. Рядом с машиной стояли двое военных. Оба показались мне довольно пожилыми. Было им лет по двадцать семь – двадцать восемь. Один из них, среднего роста, коренастый старший сержант, деловито высекал с помощью кресала искру, стараясь закурить между ладонями папиросу. Он не походил на ставших привычными глазу ополченцев с их обмотками, хлопчатобумажными штанами и гимнастерками, как правило, не по росту большими, с их перекошенным от подсумков или саперной лопатки ремнем. Это был кадровый боец. Полы ладно пригнанной шинели подоткнуты для похода под ремень. В яловые сапоги вправлены синие диагоналевые брюки. На темно-зеленой диагоналевой гимнастерке – свежий подворотничок. Было видно, что этот человек недавно с фронта. Об этом свидетельствовало его снаряжение – три гранаты-лимонки, подвешенные к поясу, саперная лопатка в чехле, выдавшем виды, плотно набитые патронами подсумки. На поясе у него почему-то был прикреплен и командирский пистолет ТТ. Принадлежностью, типичной для фронтовика, были также кремь и кресало. Вероятно, огниво в полевой обстановке было надежнее спичек. Вид у старшего сержанта спокойный и скромный.

Именно этого нельзя было сказать о стоявшем тут же моряке. Трудно объяснить, что придавало ему нарочито залихватский вид, какой бывал у некоторых «братишек» в гражданскую войну. Брюки аккуратно заправлены в кирзовые сапоги. Нет на нем и лихо заломленной бескозырки. На голове моряка пехотная каска, правда, сдвинутая на затылок. Перекрещенные на фланелевке пулеметные ленты и гранаты у пояса в нынешние дни – тоже обычное боевое снаряжение. И лицо у него обычное. Черты правильные, хотя и грубоватые... Вот разве что серые глаза, беспокойно и сумрачно глядевшие из-под черных бровей. И, пожалуй, резкость движений. По тому, как моряк курил, как с силой отшвырнул окурок, было видно, что ему трудно спокойно устоять на месте, что он нетерпеливо ждет, когда можно будет двинуться туда, где стреляют, где бой.

Присмотревшись к этим двум выдавшим виды бойцам, я решил попроситься к ним в компанию.

– Здравствуйтесь, – сказал я, шагнув поближе к машине.

– Здорово, – ответил моряк. В его взгляде и голосе чувствовалась настороженность. Старший сержант молча кивнул.

– Вы случайно не в Рамбов? – спросил я у моряка, в надежде вызвать его расположение этим чисто флотским наименованием Ораниенбаума.

– А тебе что? – отвечал он недружелюбно.

– Мне как раз туда.

– Что там позабыл?

– Ничего не позабыл. Я там еще не был.
– Раз не был, значит, и не надо тебе там быть.
– Странная у вас логика, – возразил я. – Не всегда едут туда, где уже раньше бывали.
– Логика у меня какая надо! – Моряк явно разозлился. – Подозрительным личностям на фронте делать нечего. Понял?

Тут разозлился я.

– Подозрительная личность?! Это я, что ли?
– А кто же еще?
– Чем это я подозрительная личность?
– А хоть бы и по внешности. Ишь как вырядился. Несправедливые наскоки моряка вывели меня из себя, и я решил тоже ударить его побольнее.
– Внешность обманчива. У вас ведь бескозырки нет, а тем не менее, наверно, в морях себя числите.

Моряк побледнел. Скулы его набухли, глаза сузились. Он прислонил свой карабин к машине и подошел ко мне.

– Это у кого нет бескозырки? У меня нет бескозырки? У меня бескозырки нет? Да я тебе сейчас моей бескозыркой рожу начищу! Тогда узнаешь – есть она у меня или нет!

С этими словами моряк запустил руку под фланелевку и вытащил бескозырку. Тут же он замахнулся ею, намереваясь смазать меня по лицу.

– Стоп, стоп, Паша. Зачем ты так?! – старший сержант схватил моряка за руку.
– А чего он за душу трогает?! Да и подозрительный же явно!
– Тем более другой разговор нужен. У вас документы есть? – обратился ко мне старший сержант.

Я с готовностью показал ему мое удостоверение. Пока он читал документ, снабженный фотографией и печатью, моряк и шофер заглядывали в бумагу через плечо. Я знал, что документы у меня в порядке, но с сожалением думал о том, что испортил хорошую возможность добраться на этой машине до Ораниенбаума.

Вдруг водитель воскликнул:

– Так тебе во вторую? Так бы сразу и мычал. Считаю, тебе повезло. Я же как раз из второй. Прямо в штаб дивизии и домчу.

– Ладно, братцы, – сказал старший сержант, – миритесь. Так и так попутчики. Чего вам делить? Тем более из-за головного убора. У тебя, Павел, бескозырка, у него тоже фуранька вроде морской...

– Еще чего скажешь...

– Ну, ладно, ладно, знакомьтесь.

Я протянул руку водителю.

– Иванов Александр Батькович, – сказал тот, улыбаясь. – Меня в дивизии все знают. Спросишь Иванова – любой скажет: знаю.

– Меня зовут Саня, – сказал я. – Саня Данилов.

– Андрей, – представился старший сержант. – Андрей Шведов.

Я протянул руку моряку.

– Кратов Павел, старшина первой статьи. Нынче на суше воюю. Временно, конечно, – добавил он после маленькой паузы.

– Я понимаю. Само собой.

– Морская пехота. Слышал, небось, про такую.

– Еще бы.

– Ну вот, мы это самое «еще бы» и есть...

Словом, лед растаял. Я понял, что поеду вместе с моими новыми знакомыми.

– Чего ждем? – спросил Шведов у водителя.

– Теперь ничего. Мотор подрегулировал, можно ехать.

– Самое время, пока еще проскочить можно, – сказал Кратов. Водитель бросил остаток сигарки на панель, растер его ногой и встал на подножку.

– Ну, кто со мной в кабине – залезай.

– Я в кузове поеду, – сказал Кратов. – За воздухом буду присматривать.

Шведов тоже не пожелал ехать в кабине. Мне не захотелось с ними расставаться.

– Ну, дело хозяйское, – Иванов захлопнул дверцу.

Кратов первым перемахнул через борт в кузов. Шведов, взявшись за борт руками, поставил ногу на колесо и взвился вверх, будто садился на коня. Я даже не заметил, когда он успел перекинуть через плечо винтовку. Меня вместе с чемоданом в четыре руки втащили в кузов словно куль. Тут же Кратов с силой ударил кулаком по кабине, и машина дернулась с места. Громыхнули одна о другую две железные бочки. Меня качнуло назад, но Кратов, стоявший расставив ноги, словно на палубе, вовремя подтолкнул меня обратно к бочкам.

Полуторка быстро набрала скорость. Пустые трамваи откликнулись шумом, словно мосты за окнами поезда. Шофер все время сигналил, что, впрочем, было ни к чему, так как грохот наших бочек был слышен издалека.

Раза три возле строящихся баррикад нас останавливали патрули. Особенно долго копались в наших документах рабочие, охранявшие один из постов. Кратов уже начал было шуметь, но Андрей вовремя его уговорил, и нас пропустили. Скоро мы выскочили на окраину, в деревнянное Автово. Вот и Красненькое кладбище. А дальше – совсем простор. Слева над шоссе домики в зеленых садах. Справа от дороги ровное пустое поле. А за ним, всего в полутора-двух километрах, – залив.

Уже позади портовые краны. Видна дамба морского канала. Виден и противоположный берег залива. Там Лахта, Ольгино, Лисий Нос...

Я вспомнил эти места.

Везде там дачки с башенками и верандами, застекленными красными, желтыми, зелеными стеклами. Везде пляжи с бесчисленными валунами на берегу и в воде. Везде мелко. Песчаное дно ребристое, точно стиральная доска...

Посреди залива виднеется полоска земли. Кронштадт. Над ним, как толстый желудь, торчит собор.

Звуки канонады здесь не такие, как в городе. Там она слышится как перекатный гул отдаленной грозы. Здесь гул распадается на отдельные залпы и выстрелы... Вот над темной полоской дамбы морского канала сверкнуло пламя и взвилось грязноватое облачко. Оно медленно плыло вверх, но вместе с тем стало завиваться и книзу. Я поспешно открыл рот. По ушам ударило так, будто лопнуло само небо.

– «Марат» лупит, – с нежностью в голосе произнес Кратов. – Из главного калибра.

– Ты чего рот растянул? – спросил меня Шведов.

– Когда бьют из пушек, – наставительно пояснил я, – надо открывать рот... Чтобы барабанные перепонки не лопнули... Неужели не знаете?

– А если война целый год продлится? – усмехнулся Андрей. – Так и будешь с разинутым ртом ходить?

– Не забудь перед сном распорочку между зубов поставить, – охотно поддержал его Кратов.

Чтобы лишний раз не открывать рот, я промолчал.

Облачка залпов подымались и возле Кронштадта, и справа и слева от него, и над фортами, и вдали, будто из самой воды. Над нами, прошивая небо, невидимо шуршали снаряды.

Кратов оживился.

– Во дает жизни братва! – то и дело восклицал он. – А ведь ты, переводчик, не понимаешь, что они делают, этикие чушки! По скоплению танков как дадут, дадут! Танки, как пустые

коробки спичечные, вверх подсакивают. Вернее, как лягушки. Сам видал. Подпрыгнет танк, перевернется в воздухе, потом как гробанется об землю... Все. Утиль! Так что ты напрасно флот не уважаешь!

– Уважаю я флот. Сам хотел быть моряком...

– В детстве все хотят. А потом не каждый мечтает тянуть флотскую лямку. Опять же – служба четыре года. Нет-нет, я тебя сразу понял, ты флот не уважаешь!

Спорить было бесполезно. Я видел, что недружелюбное отношение моряка ко мне не прошло. Надо сказать, что и я не мог перебороть чувство неприязни к нему.

«Все-таки есть в нем что-то шаблонное, плакатное, уже не раз виденное, – думал я, поглядывая на матроса. – Эдакий «товарищ Братишкин»... Взгляд свысока на все сухопутное. «Мы, мы... мы моряки!» – всегда ли эта словесная удаль соответствует боевой? А как будет, если я попаду с ним в переделку? Выручит? Или бросит на произвол судьбы, поскольку я сухопутный?»

Шведов молчал. Вслушиваясь в звуки боя и оглядывая местность, он, как мне казалось, старался представить себе обстановку. Смотрел он не на залив, а в противоположную сторону, влево. Особенно внимательно вглядывался в каждую дорогу или даже проулок между дачными домиками.

– Чего ты там высматриваешь? – спросил его Кратов. – Думаешь, фашист оттуда выскочит?

– Смотрю, не появятся ли наши.

– А чего их смотреть? Своих не видел, что ли?

– Если своих здесь увидим, которые оттуда пойдут, считай, прорвался немец через железную дорогу.

– Прорвется он! Скажешь тоже. Как это можно через такой огневой заслон прорваться?!

– Бывает, – ответил Шведов. – Через Варшавскую дорогу он же прорвался.

– Так то – Варшавская, а то – Балтийская! Название совершенно другое. Попробуй-ка через такое название прорваться! И нечего улыбаться, – опять рассердился на меня Кратов. – Название не случайное у этой дороги. Балтийская – потому, что к зоне флота относится и находится в досягаемости его артиллерии. Понял?

– Все правильно. Я с вами совершенно согласен.

Я действительно разделял мысли Кратова насчет Балтийской железной дороги, хотя и выражал он их весьма своеобразно. В самом деле: как это может быть, чтобы фашисты прорвались сюда?! Об этом смешно даже думать! Во-первых, дорога, по которой мы едем, единственная. Только по ней теперь поддерживается связь Ленинграда со Стрельной, Петергофом, Ораниенбаумом и дальше – с фортами «Красная Горка» и «Серая Лошадь». Во-вторых, если немцы поставят здесь, на берегу, свои пушки, они будут бить по кораблям. До фарватера отсюда рукой подать. Целься хоть в иллюминатор – не промахнешься. Наконец, тут и Ленинград совсем рядом. Ну просто – вот он. Нет, не могут фашисты сюда прорваться!

Между тем на дороге становилось все оживленнее. Мы нагнали несколько машин, замедливших ход, и пристроились за ними. Обогнуть их было трудно, так как шли встречные машины. Одна из них вдруг притормозила, и высунувшийся из окошка водитель закричал:

– Иванов! Сашка! Стой! Мы остановились.

– Вертай назад! Я там был!

– Где – там? Чего там впереди?

– Там пробка! Дальше развилки на Красное Село КПП машины не пропускает!

– Почему не пускают? – допытывался наш шофер.

– Почему, почему! Немец бьет по дороге прицельным огнем – вот почему. Снаряды и мины кидает.

Встречный шофер перебежал к нам через шоссе. Шведов, Кратов, а за ними и я соскочили на землю.

Шофер рассказал, что еще полчаса назад по шоссе на Стрельну спокойно шли машины. Но вот противник начал артобстрел. Несколько машин было разбито снарядами.

– По самой развилке, по скоплению машин не бьет? – спросил Шведов.

– Не бьет. Развилка как раз горушкой прикрыта, не видать ему.

– Что значит не видать? – Андрей достал пачку «Норда» и предложил всем папиросы. – Можно по карте развилку накрыть.

– Пока не догадывается. Но скоро, видать, начнет. Потому и разгоняют машины. Так что ехать смысла нету. Заворачивай, Сашко, назад!

– Надо подумать, – уныло отозвался Иванов.

– Ну, тогда покедова. Думай! – его знакомец вернулся к своей машине и укатил.

Ехать и в самом деле было некуда. Впереди, совсем уже близко, был хвост колонны из оставшихся машин. Некоторые грузовики выворачивали из ряда и ехали назад к городу. Другие медленно подтягивались на их место.

Иванов сплюнул и сел на подножку своей полуторки.

– Делать нечего, придется загорать, – со вздохом сказал он. – Для фронтового шофера дело не новое... За час не прояснится – отъеду назад к Кировскому заводу. А там буду ждать темноты.

– Спасибо, что подобрал. – Андрей протянул водителю руку. – Тебе и верно лучше подождать. А наше дело другое.

– Точно. Если надо, по-пластунски проползем, – сказал Кратов. – Эх, дернул меня черт! Надо было мне морем идти. На катеришке каком-нибудь самом паршивом давно бы на месте был!

– А ты, Данилов, с нами или тут останешься? – спросил Шведов.

– Конечно, с вами!

– Ну, догоняй, – буркнул Кратов, возможно, уже понадеявшийся избавиться от меня.

Оба они, вскинув на плечи винтовки, зашагали по дороге. Я полез в кузов за чемоданом. Соскочив на землю, я протянул руку шоферу.

– Спасибо вам. Встретимся во второй.

– Хорошо бы, – вздохнул Иванов. – Здесь останешься, могут в другую часть зафуговать. Везде, конечно, люди, но неохота со своей дивизией расставаться. Послушай, Данилов, может, тебе не ходить с этими ребятами, а? Нам с тобой в одну дивизию, как-нибудь вместях и доберемся.

– Нет, не могу. Вы уж не обижайтесь.

– Ну, ты, конечно, смотри сам, Данилов. Только я тебе вот что скажу. Там, – Иванов показал рукой вдоль дороги, – если еще не передовая, то уже кое-что вроде. Идти в одиночку, когда не знаешь обстановки – что спереди, что с фланга, – не дело это. А потом – хорошо, если сразу убьет... А ранит если? Сам идти не сможешь, помочь некому...

– Я же не один. Вот я и хочу с ними...

– Тогда вот что: держись-ка ты лучше ближе к сержанту. Он опытный, кадровый, в финскую воевал. Медаль у него под шинелью есть. Зря не давали! В случае чего его слушай, а не матроса этого.

– А чем вам матрос не понравился? – спросил я с любопытством.

– Не то чтобы не понравился, а вообще матросы на земле шальные делаются. На кораблях они совершенно иначе воюют, бесшумно. Кто в бинокль глядит, кто рулевую баранку крутит, кто пушку нацеливает. И все молча, деловито. «Ура» кричат, только когда ко дну идут... А на земле они как с цепи сорвавшиеся. И гибнут часто зазря. Так что ты лучше Андрея этого слушай.

Я поблагодарил Иванова за добрые напутствия и собрался было тронуться в путь.

– Погоди еще чуток. – Он полез куда-то под сиденье. – Нате вам на троих. Неизвестно ведь, когда до места доберетесь.

С этими словами водитель протянул мне кусок сала, завернутый в газету. Я стал отказываться, сказав, что у меня есть с собой булка, сахар...

– Булка и сахар – это дома к чаю. А здесь сало вернее будет.

– А как же вы?

– Обо мне не пекись. Наш брат шофер нигде не пропадет.

Я еще раз поблагодарил его, и мы распрощались. Мои попутчики успели отойти довольно далеко. Я пустился бегом. Чемодан, хоть и не тяжелый, бил по ногам. Сначала по правой, потом, когда я перехватил его в другую руку, – по левой. Потом опять по правой.

Я нагнал своих попутчиков у самой развилки. Мы влились в толпу. Чемодан, чтобы не мозолил глаза, я поставил в кювет.

Кроме пограничников контрольно-пропускного пункта, здесь в основном находились водители скопившихся возле развилки машин.

Было вполне спокойно. Встречный шофер явно сгустил краски. У пограничников, понятно, не было приказа задерживать военные машины и спешивших к фронту военнослужащих на том основании, что на войне опасно. Разговор лейтенанта-пограничника с окружившими его водителями носил характер своеобразного военного совета. В самом деле, как быть? Каждому позарез надо ехать. Но судьба тех, кто еще недавно вот так же стоял здесь, но, не вняв предупреждению, двинулся на Стрельну, охладила охотников проскочить.

Впереди, на дороге, в километре от нас, чадил потухающий костер. В грудe темных обломков трудно было разглядеть что-либо напоминающее автомашину. Что случилось с людьми, ехавшими в ней? Может быть, кто-то мучается там, не имея сил выбраться из-под залитых бензином обломков? Как ни старался я смотреть в другую сторону и думать о другом, голова невольно поворачивалась к синему дымку, курившемуся над темной грудой, и воображение все ярче прорисовывало детали страшной картины.

Я тронул старшего сержанта за рукав:

– Андрей, давайте сходим туда. – Я махнул рукой в сторону дымка над дорогой. – Там люди. Надо бы помочь, сюда их вытащить...

Шведов неторопливо повернулся ко мне, вынул свой кремень и стал чиркать по нему кресалом.

– Не суетись, Саня. На войне суетиться ни к чему.

– Люди же там...

– Внимательным надо быть. Все надо увидеть, оценить толком, а потом уже действовать... Людей там нет. Они здесь.

– Где? – встрепенулся я и стал разглядывать окружающих. Закуривая, Андрей молча поднял глаза и взглянул поверх моего плеча. Я обернулся. На траве за обочиной неровно лежала плащ-палатка. Из-под нее торчали три пары сапог. Солдатские ботинки, пара кирзовых и пара пожелтевших брезентовых, какие обычно носили командиры-ополченцы. Такие точно я видел вчера на моем однокурснике Саше Подбельском. Он был теперь политруком роты, воевал под Ораниенбаумом и приехал зачем-то в Ленинград на машине. Предлагал подбросить меня в Ораниенбаум, но у меня на руках еще не было предписания.

«...Очень похожие сапоги, – подумал я. – И разве не мог Саша задержаться до утра? Кажется, даже собирался. Да нет. С какой стати ему задерживаться? Да и мало ли точно таких сапог? Конечно, это не он. Не стоит и смотреть. А все-таки вдруг он...»

Меня неудержимо потянуло взглянуть в лица погибших и вместе с тем удерживал от этого какой-то страх.

– Андрей, как вы думаете, можно я на них посмотрю?

– Можно и даже полезно.

Я прыгнул через кювет и медленно, точно он был пудовым, приподнял угол плащ-палатки над погибшим в брезентовых сапогах. Нет, не Саша. Другое лицо, но тоже знакомое. Не могу вспомнить кто это. Парень моего возраста. То ли мы росли рядом в нашем Дзержинском районе и встречались на улицах, в магазинах, в Летнем саду. Или, быть может, он учился в университете, на другом факультете, и попадался мне на глаза в длинном вечно шумном университетском коридоре, в сутолоке университетской столовой. А может быть, я видел его в очереди в публичку или сидящим напротив меня за длинным столом ее читального зала? Не знаю. Это был один из тех незнакомых знакомых, с которыми – непонятно почему – не здороваешься, хотя их жизнь идет рядом с твоей.

Осторожно, словно покойника можно было разбудить, опустил я на его лицо угол плащ-палатки и вернулся на дорогу.

– Ну что, посмотрел? – спросил Кратов.

– Посмотрел.

На развилке меж тем шел все тот же разговор. Раздавались голоса:

– День как назло ясный.

– Да уж куда ясней, будто и не сентябрь вовсе.

– Интересно, откуда он дорогу видит?

– Забрался в Лигове на станционную водокачку, вот и видит.

– Нету там водокачки.

– Чего спорить-то, – сказал пожилой шофер с толстым животом, с которого все время съезжал ремень. – Из Дудергофа, с Вороньей горы, всю эту округу как на ладони видеть. Я там работал, на самой горе, на лимонадном заводе.

– Я думал, живот только от пива бывает. А оказывается, и от лимонада, – сказал Кратов.

Кругом загоготали.

– Значит, фрицы там теперь твой лимонад пьют! – продолжал потешаться моряк, ободренный всеобщим хохотом.

– Скажешь тоже, полосатая душа, – обиделся толстяк. – Мы там все покурочили, а сахар в Ленинград вывезли.

– Верно папаша говорит, – вмешался один из пограничников. – С Вороньей горы он и корректирует обстрел дороги.

– Воронья гора тут ни при чем, – уверенно сказал Шведов. – Если немцы на ней закрепятся, то, конечно, оборудуют там наблюдательные пункты для тяжелой артиллерии. А здесь по дороге небольшие пушки с близкого расстояния бьют. Наблюдатель от них в тыл не пойдет. Хотя бы и на гору. Он вперед выдвинется. Иногда даже ближе пехоты к противнику подберется.

– Выходит, пока немцев отсюда не отгонят, на дороге спасу не будет, – вздохнул рябой водитель, похожий на цыгана.

Как бы в ответ на эти слова на шоссе взметнулся разрыв. Другой, третий и четвертый поднялись справа и слева от дороги.

– Крепко шпандорит!

– Для остротки подкинул.

– Четырехорудийная батарея на дорогу нацелена.

– Хорошо, если одна.

– Все ясно, – сказал лейтенант с облегчением. До этой минуты он, видимо, колебался, не знал, что делать, и невольно втянулся в шоферский митинг. Теперь он принял решение.

– А ну, все по машинам и долой с развилки! Развели мне тут базар на КПП. Заворачивай назад! И пешим тоже не скапливаться! Туда – или сюда!

Водители стали быстро разбредаться по своим машинам, но тут на полной скорости вкатился на развилку и со скрипом затормозил пятитонный грузовик ЯЗ. В его кузове, плотно

прижавшись друг к другу, стояли женщины. В момент резкой остановки раздались взвизгивания.

– Кто такие? Куда вас несет? Заворачивай машину! – закричал лейтенант. Он зачем-то снял с шеи автомат и потрясал им, будто звал кого-то за собой в атаку.

Женщины, напугавшись, что их повезут назад, полезли из кузова. Одни занесли ногу через борт и застряли на нем. Другие перегнулись через борт, собираясь вывалиться на дорогу.

– Да стойте же вы! Куда?! Расшибетесь! – закричали мы.

– А ну, бабы, слазьте с бортов, – властным голосом скомандовал Кратов. Он вышиб одну за другой задвижки и опустил бортик.

– Вот теперь – прошу! Ну, давай ты, белая головка! – Он улыбнулся девушке с длинными белыми волосами. – Сигай в мои объятия!

Девушка присела, обняла моряка за шею, а тот взял ее за талию, высоко приподнял, несколько секунд подержал над собой и бережно опустил на землю.

С помощью бойцов все женщины благополучно высадились, кроме совсем старой бабушки, которой взялся помогать я. Бабуся топталась у края кузова, стоя во весь рост. Я то и дело подпрыгивал, но это не помогало. Тем более что старушка перебегала с одного конца кузова на другой. Я ждал, что вот-вот за моей спиной грянет хохот и посыплются насмешки. Помог Андрей. Встав на подножку, он поднялся в кузов, схватил старушку под мышки и опустил, покорную и тихую, ко мне на руки.

Приехавшие на грузовике женщины были работницами Кировского завода. Только старушка была посторонняя. Ее посадили по пути.

Сегодня утром работницы, проживающие в Стрельне, как обычно, приехали трамваем на работу. Вдруг на заводе стало известно, что к Стрельне, где остались их дети, подходит враг. Завком дал обезумевшим матерям грузовик. Они помчались в Стрельну.

Все это женщины объясняли лейтенанту сбивчиво, с криками, с плачем.

«Неужели он их не пропустит? – подумал я, заметив, что лейтенант отрицательно качает головой. – Как это можно не пропустить матерей за детьми?!»

– Не могу пропустить, и все! – твердил лейтенант наседавшим на него женщинам. – Перебьют вас там, на дороге.

– А мы по кювету пойдем. Ползком будем двигаться, – заверяла девушка, которую Кратов назвал «белой головкой».

– У тебя что – тоже детишки там? – спросил ее моряк.

– Нет. Старики, отец с матерью. Больные они, без меня пропадут.

– Пусть, пусть лучше меня убьют, чем я от дитя моего отступлюсь! – кричала рослая женщина в синем с красными цветами платье. – Пусть, пусть! Пустите! – Женщина наседала на лейтенанта и его бойцов, теснила их грудью, пыталась растолкать руками. Но ее не пускали.

– Пустите! – вдруг закричала она еще громче. – Или я товарищу Сталину напишу!

– Пишите, – невозмутимо отвечал лейтенант. – Я приказ выполняю: никого без пропуска к линии фронта, никого без приказа в тыл. А при неподчинении стрелять на месте.

– Приказ правильный! Только не про детей с матерями он писан, – возразил Кратов.

– Ко всем относится! – отрезал лейтенант. – И обсуждать приказ не будем.

– Пустите! – вдруг истошно закричала женщина в цветастом платье. – Васек мой там! Пусти! Пусти же ты меня, изверг! Стреляй, если ты хуже немца!

Она рванулась вперед. Ей загородили дорогу. Тогда она упала на четвереньки и пыталась проползти между бойцами. Пограничники ее подняли. Она покричала, побилась и вдруг затихла. Только внутренние рыдания продолжали колотить ее крупное тело.

Женщины отвели ее назад к грузовику и посадили на широкую, как скамейка, дощатую подножку ЯЗа. Шведов отвинтил крышку своей фляги и дал ей воды.

Сторону женщин приняли все находившиеся на развилке водители и бойцы.

– Как же не пропустить, ведь дети там! – убеждали лейтенанта.

– Не могу пропустить гражданских в полосу фронта, – отвечал тот. – Тем более в район возможного прорыва противника. Не имею права.

– Да какие тут права, товарищ лейтенант! – возмутился пожилой водитель. – Тут матери, там дети. И между ними ты встал с автоматом. А может, с часу на час фашист с автоматом между этими матерями и детьми встанет... Тебе на смену. Вот и соображай, что же тут получится...

– Думай что говоришь, старик! – вскинулся лейтенант. – Хотя ты и не кадровый, не забывай, что на военной службе находишься! За оскорбление старшего по званию под трибунал пойдешь!

– Видали мы таких, – сплевывая махорку, сказал рябой водитель. Правда, негромко, в сторону.

– Ишь Аника-воин, – раздался женский голос, – привык в тылу воевать!

Кратов вплотную придвинулся к лейтенанту.

– Послушай, лейтенант, у тебя жена есть?

– А что?

– Я спрашиваю: дети у тебя есть?

– Зачем в душу лезешь, матрос? Не все ль тебе равно, есть они у меня или нет?!

– А вот интересно, – продолжал Кратов, – твоя бы жена стояла здесь, а сын бы твой был там, пропустил бы ты ее за своим сынком или нет? По-честному?

– Свою-то за своим пропустил бы уж, конечно! – крикнул кто-то из женщин.

– Жена у меня была, – тихо сказал лейтенант. – И сын тоже был.

– И где ж они, милый, – участливо спросила старушка, – без вести они у тебя пропавшие, что ли?

– Почему без вести... Не без вести. Убило их. На заставе.

– Вот горе-то какое, сынок, – сказала старушка и смахнула платочком слезу. – Мой Тимоша тоже в пограничниках на заставе служит. С первого дня войны от него вестей не имею... Случайно не встречал Ерохина Тимофея? Лейтенант такой же, как и ты.

– Не приходилось.

– А детишек своих они с женой успели загодя ко мне в Стрельну отправить. Вот и сидят они сейчас, мои сиротушки, ждут бабу. Неужели же ты, сынок, не дашь мне их от врагов спасти?

– Понимаю, все я понимаю, бабуся. – В голосе лейтенанта звучало колебание. – Но ведь нельзя же...

– Товарищ лейтенант, есть идея! – воскликнул один из бойцов, которые, как и мы, собирались идти в Ораниенбаум. Его круглое добродушное лицо озарилось радостью открытия. – Одних этих баб туда пускать никак негоже, это вы точно действуете. А если мы с дружкой их как бы под конвоем до Стрельны доведем? Там они заберут своих пацанят и обратно придут.

– Что ж, это, пожалуй, дело. Эдак, пожалуй, можно...

– Дело говорит, дело! Так и надо! И поперек приказа не будет! Под конвоем везде проход свободный, – раздались голоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.